

Шарлотта и Серж Генсбур на съемках клипа на песню «Лимонный инцест», 1985

Джейн Биркин с Шарлоттой и Серж Генсбур с Кейт Барри, старшей дочерью Джейн. Сен-Тропе, август 1972

у меня ответный вопрос: почему в таких фильмах, как «Нимфоманка» и «Антихрист», все обращают внимание на секс или говорят о мизогинии? На мой взгляд, в «Нимфоманке» режиссер создал многослойный портрет женщины. И пусть там много секса, суть фильма в изменениях, происходящих с героиней, в результате которых она лучше начинает понимать себя. «Антихрист» — дуэль между женщиной и мужчиной, но фильм также о конфликте женщины с самой собой.

Как вы считаете, будут ли эти фильмы сегодня смотреться по-другому? Изменилось ли отношение к наготе?

Рассуждая об этом как о социальном феномене, думаю, следует не упускать из виду региональные особенности. Например, на севере Европы отношение к наготе всегда было более свободным, а на юге — более консервативным. Сегодня из-за массовой визуализации, СМИ и социальных сетей усилилось давление, появилась некая стандартизация. В фильмах 1970-х и 1980-х женщины были стройные, но им позволялось иметь небольшой живот. Сегодня актрисам приходится часами потеть в спортзале. Но в целом мы сами решаем, на что готовы. Во время съемок фильма «Джейн глазами Шарлотты» я обсуждала с матерью различия между поколениями и в этом вопросе — и серьезных мы не нашли.

Почему у вас возникло желание снять фильм «Джейн глазами Шарлотты»? Известно, что вам даже пришлось прервать съемки из-за напряжения, возникшего между вами и Джейн.

Мне хотелось побыть с матерью. Как бы это объяснить... Я всегда была папиной дочкой, отец был

моим богом и кумиром. Мать я часто избегала. Может быть, потому, что у папы я была единственным ребенком, а у мамы были и другие дети. Мать часто говорила мне, что я была для нее незнакомкой. В глубине души я хотела близости, но мне это не очень удавалось. Наши отношения стали еще более зыбкими после гибели Кейт (Кейт Барри, дочь Джейн Биркин и композитора Джона Барри, в 2013 году покончила жизнь самоубийством. — «Коммерсантъ. Стиль»). Вместо того чтобы стать ее утешением, я сбежала в Нью-Йорк, оставив мать с ее переживаниями. Я была неправа. Думаю, мой фильм был попыткой к сближению, официальным разрешением себе провести время с матерью. Как это ни парадоксально, близость между нами началась во время прошлогоднего карантина. В тот момент я сбежала из Нью-Йорка в Париж.

От кого или чего вы бежите? Что было на этот раз?

Я люблю Нью-Йорк, этот необыкновенно динамичный и живой город, и я чувствовала себя там свободной. Люди признавали во мне профессионала, личность, а не дочь знаменитых родителей. Но вот наступил 2020 год, начало эпидемии и карантина. Мы с дочерью были в Нью-Йорке, а Иван с сыном в Париже. И мне вдруг показалось, что мы так далеко друг от друга и что расстояние еще больше увеличилось из-за ограничений и правил. Да и сама ситуация в Америке стала для меня невыносимой. По радио и телевидению выступал Трамп, с утра до вечера приходилось слышать его голос. Потом произошел случай с Джорджем Флойдом, начались массовые протесты. Так что в июне 2020-го я вернулась в Париж.

ANDANSONSVGMA VIA GETTY IMAGES

Серж Генсбур, Джейн Биркин и Шарлотта, Париж, 1978

ROBERT VOLLET VIA APF

Но город показался мне призраком: улицы вымерли, музеи закрыты. У меня началась депрессия. И на помощь пришла мать. Есть у нее такая черта: когда ее детям хорошо, она не знает, чем с ними заняться, но когда им плохо, у нее моментально включается материнский инстинкт. Думаю, она могла бы стать прекрасной медсестрой. И вот она приехала в Париж и увезла меня в свой дом в Бретани. Там в самый разгар эпидемии состоялось наше примирение и мы смогли задать друг другу самые интимные вопросы.

Было что-то такое, что дочь и мать узнали друг о друге, но мы не видим этого на экране?

Я никогда не показывала матери, что она была мне нужна. Это случилось впервые. Мой интерес удивил и тронул ее. Но открылась она не сразу. Многое мы не обсуждаем на экране. Иногда молчание может сказать больше, чем оживленный диалог. Я задавала ей вопросы, которые дочь обычно задает матери. Например, мы говорили о старении. Пусть мы женщины разных поколений, у нас совершенно одинаковые чувства. Ей не нравится стареть, она предпочитает не смотреть на себя в зеркало. Я тоже паникую при одной мысли об этом. Возможно, не будь я публичной персоной, мне было бы все равно. Но не хочется стареть на глазах у всех, когда посторонние люди обсуждают твою внешность. Однако и прятать свои морщины я не собираюсь. Терпеть не могу, когда фоторедакторы пытаются отретушировать мои фотографии. Мне всегда хочется им сказать: «Послушайте, я хочу выглядеть человеком, а не маской, искусственно улыбающейся с обложки журнала!»

Беседовала Татьяна Розенштайн

© HULTON-DEUTSCH COLLECTION/CORBIS VIA GETTY IMAGES

Джейн Биркин и Серж Генсбур с Шарлоттой, Лондон, август 1971